

ДИСКУССИИ

ЧТО ТАКОЕ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

В.К. Шохин

НОВЫЙ ФЕНОМЕН: СТРАСТИ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Шохин Владимир Кириллович – доктор философских наук, профессор, руководитель сектора философии религии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: valdshokhin@yandex.ru

Настоящая статья представляет собой ответ В.К. Шохина на критику его концепции сущностных характеристик и периодизации истории аналитической философии, опубликованную В.В. Целищевым в одном из предыдущих выпусков «Философского журнала» (2018. Т. 11. № 2). Автор статьи демонстрирует несостоятельность данной критики как с точки зрения этики спора, так и с точки зрения рациональности. Он показывает, что его оппонент демонстрирует непонимание его критики разоблачения аналитической философии у А. Престона, основной идеи предложенной им концепции и, что самое важное, задач историка философии и природы самой философии. Автор статьи подтверждает свои основные тезисы – о том, что аналитическая философия есть не набор положений и тем, а классическая (и с его точки зрения более продуктивная, чем прочие) философская практика, ключевые характеристики которой обнаруживаются много веков раньше начала XX в. и далеко не только в западной философии, а также о том, что для ее периодизации (как и любого другого большого стиля философии) первостепенным является становление ее авторефлексии.

Ключевые слова: аналитическая философия, искусство спора, логика, рациональность, понимание, философская практика, философская авторефлексия, метафилософия, Престон, Целищев

Хитрость мирового разума

Когда я, завершая свою статью по аналитической философии (далее – АФ) для «Вопросов философии» (2013), в которой поставил вопрос о том, что нас заставляет, кроме лишь устоявшейся привычки, приобретшей силу самоочевидной истины (наподобие истин математики), считать ее достоянием лишь англосаксонской философии (и ее филиалов в других современных регионах) со свидетельством о рождении не позднее, чем в начале XX в., я действительно выразил уверенность, как правильно меня цитирует мой оппонент, что мой пересмотр и этой истины, и данной метрики вызовет дискуссию. И я ее ждал, пока в статье на эту тему для «Философского журнала» (2015) не высказался еще определеннее, как опять он меня правильно понимает, что и эта «истина» и «метрика» являются лишь историко-философски-

ми стереотипами. Разумеется, я и дальше не сомневался, что мое предложение резко раздвинуть границы АФ и в пространстве и, главное, во времени, представив ее классическим форматом интеркультурного способа философствования, далеко не всем понравится и из ее друзей, и из ее врагов. Почему острополюемическая и необъемная статья В.В. Целищева (в которой он многократно возвращается к одному и тому же) появилась только через несколько лет после этих публикаций¹, мне определить трудно. Но появилась она, скорее всего, из-за того, что он действительно, как и пишет, очень любит АФ, справедливо переживает из-за того, что она у нас не прививается, и беспокоится, как бы предлагаемое мною расширение ее границ не дезориентировало бы и тех немногих ее почитателей, которые у нас есть.

Заботу об общем благе я у своего оппонента не отрицаю. Но думаю, что здесь играют роль и «природные» мотивы. И в человеческом мире (и не только) главным делом является охрана «своей территории» от «чужаков». И то, что я, философ-гуманитарий, да еще и востоковед, вступил на территорию, принадлежащую по всем законам, как считает В.В. Целищев, одним только философам науки, математики и логики, было, с его точки зрения, совершенно противоправно. Мне же, в свою очередь, кажется не совсем естественным, что «физик» и, как он подчеркивает, приверженец АФ предается столь страстной и элоквентной полемике с «лириком», что с моим, по крайней мере, представлением об аналитиках складывается с очень большим трудом².

Однако гегелевское провидение, отвечающее за то, что субъективные намерения людей нередко оборачиваются результатами, прямо противоположными запланированным, скорее всего, сработает и с моим оппонентом. Желая дезавуировать до конца мой «ревизионизм без берегов», он на деле, скорее всего, уже добился того, что никто в РФ, хоть как-то обращающийся к АФ в любом контексте, не сможет пройти мимо моих идей. Огромная его статья изобилует прямыми и пересказанными цитатами из двух моих скромных писаний – как мне кажется, он подобрал очень удачные, – и я бы ни за что не смог сделать что-либо подобное для рекламы своих идей. И тут мне надо было бы просто поблагодарить его за такие большие услуги и вежливо попрощаться. Мешают мне это сделать сами его способы интерпретации моих идей и их оценки. Попробую их без всякой страсти классифицировать: я ведь не «неистовый Виссарион от точных наук», вроде моего оппонента, а потому может быть, что-то и получится.

С точки зрения этики спора

Представления моего оппонента о том, как правильно вести дискуссию, весьма проблематичны. К прямым грубостям относится, например, объявление меня ревизионистом (в отличие от Я. Хинтикки) «картонным»; моих рассуждений о дискуссиях в АФ «карикатурными сверхупрощениями»; моей концепции современного состояния АФ «ошибочной и бессодержательной» (с. 141, 147, 149). Эти «выразительные средства» безошибочно напоминают стиль наших дискуссий 1940-х гг. о формализме в искусстве, космополитизме и т. д., когда на обличения оппонента выдавались партийные индულ-

¹ Здесь и далее обсуждается статья: *Целищев В.В.* Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155 (в дальнейшем я буду ссылаться только на страницы этой публикации).

² При этом он *меня* упрекает в том, что я «яростно» защищаю свое право на ревизионизм (с. 142).

генции. Отмечу по ходу дела, что это далеко не единственная особенность стилистики статьи, напоминающая о нашем недавнем прошлом: негодование я вызывал у него за то, что через меня произошла «утечка информации» о самих сомнениях А. Престона в идентичности АФ³.

Другой прием полемики моего оппонента – откровенная дезинформация читателя с целью оглушения противника. Так, уже в аннотации Целищев мне вменяет, что в статье 2013 г. я «использую в качестве источника своей аргументации *одну-единственную* (курсив мой. – В.Ш.) книгу Престона», и на той же странице в примечании указывает в поучение моему невежеству такие источники, на которые я в своей статье как раз и ссылаюсь, – монографию Г. Глока и двухтомник С. Сомса, притом с указанием конкретных страниц⁴ (и далеко не только на этих историков АФ), в отличие от моего оппонента, который демонстрирует свою эрудицию на протяжении всего памфлета только в перечислении многочисленных названий произведений (почетное исключение делается почти только для моих статей)⁵. Тут, правда, проблемы с этикой дискуссии нелегко отделить от проблем с пониманием: мой оппонент, досконально проштудировав мою статью (едва не выучив ее наизусть), так и не понял, что я использую книгу А. Престона (заодно и его статью) в качестве не *источника* своей аргументации, а *объекта* своей контраргументации. Не правда ли, не совсем одно и то же?

Еще один прием Целищева – цитировать оппонента не до конца, а как удобнее. Так, воспроизводя мой пересказ мнения Р. Гроссмана об ошибке А. Майнлонга в полемике с Б. Расселом, он быстренько ставит свой вердикт о том, что я (как всегда) все упрощаю – вместе с Гроссманом (с. 150), «не дочитав», что я как раз Гроссману-то и возражаю прямо в следующем абзаце, предлагая совсем другую интерпретацию той знаменитой полемики⁶.

Этике спора, которая в АФ разработана до тонкостей, противоречит и такой прием, как готовность «отмахнуться» от оппонента без какого-либо обоснования. Например, В.В. Целищев досконально цитирует мое дескриптивное определение аналитической философской практики через перечисление ее основных форматов, иронизируя над тем, что я здесь делаю «фундаментальное» открытие и не приводя никаких аргументов против «фундаментальности» моей дескрипции (с. 148). Предоставлю заинтересованным читателям моих скромных писаний судить о том, «фундаментально» мое «открытие» или нет (а я действительно считаю, что АФ как таковая через эту практи-

³ Логика тут та, что если Целищеву дорога АФ, то с ней не только должно быть все в полном порядке, но и никто не должен сомневаться в этом порядке – точь-в-точь, как и у нас во времена оны замалчивались крушения подлодок, АЭС и даже плохие стихийные явления.

⁴ Шохин В.К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревиизионизма» // Вопр. философии. 2013. № 11. С. 139, 145.

⁵ Приведу один лишь пример. Когда В.В. Целищев излагает претензии Б. Рассела к «ненаучной» – в интерпретации моего оппонента, к «континентальной» философии, он ставит великого аналитика в очень глупое положение перед читателем, поскольку последний его упрек к сей философии звучит как: «она делает неизбежным процветание у философов путаницы в голове, происходящей от излишнего почтения к здравому смыслу» (с. 144). Не думаю, что Рассел имел в виду «континентальную философию» уже потому хотя бы, что «почтение к здравому смыслу» есть различительная историческая черта «философии островной» (была даже целая шотландская школа здравого смысла во главе с Т. Ридом), тогда как среди континентальных философий много популярнее как раз протест против него.

⁶ Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2015. Т. 8. № 2. С. 24. Не буду пересказывать свою аргументацию, предоставив изучение ее читателю.

ку идентифицируется⁷). Проблема в том, что мой оппонент не приводит (на протяжении всего многостраничного памфлета) никакого своего определения АФ (будь то интенциональное или экстенциональное, явное или неявное, остенсивное или контекстуальное), которое он мог бы представить как альтернативу моему.

С точки зрения рациональности

Отклонения от рациональности в монотонном памфлете В.В. Целищева многообразны, и их не всегда просто отделить от проблем с этикой. Так, он неоднократно вменяет мне и такой абсурд, как выведение современной западной АФ из древневосточных истоков. Например, в связи с аналогиями между стратификациями реальности между Западом и Востоком он приписывает мне такую сильную пропозицию, как «аналитическая философия восходит к «Упанишадам» или, чего уж там, прямо к «Ригведе»» и комментирует это таким образом, что «при таком расширенном понимании аналитической философии ее распознавание будет делом трудным» (с. 151, ср. 143). Ну, конечно, оно будет не только трудным, но и невозможным «при таком расширенном понимании». Но только ко мне это не имеет отношения, поскольку в данном контексте я и не думал ссылаться на Упанишады и Ригведу. То, что для моего оппонента Упанишады, Ригведа и школьные тексты систем йогачары-виджнянавады и адвайта-веданты, на которые я действительно в этой связи ссылаюсь⁸, – одно и то же, относится уже к другой рубрике его аберраций, связанной с его философским кругозором. А в данной рубрике меня интересуют сами механизмы его сознания. Я думаю, что для него *параллели* между X и Y и *происхождение* X из Y действительно суть одно и то же. А это равнозначно, например, тому, что если бы кто-то сказал: «Подумайте, у дельфинов есть тоже, оказывается, свой язык», то другой воскликнул бы: «Представляет себе, он хочет сказать, что человек произошел от дельфина! По какому праву?!».

Другая полемическая находка Целищева – очень интересная «деконструкция» моего пассажа о расхождении мнений между схолярами греческой философии и их последователями по важнейшему для всей античной философии вопросу об определении блага. Вот о чем у меня речь в действительности: «Однако уже один из учеников первого схоларха Стои Зенона Китийского Аристон Хиосский (III в. до н. э.) это различение благ и “предпочитаемого безразличного” отверг как неглубокое, и у него было множество последовавших единомышленников включая Посидония (II–I вв. до н. э.) и знаменитого Сенеку (I в. н. э.). Равно как и среди их оппонентов Карнеад (III–II вв. до н. э.) считал высшим благом удовольствие, Аттик (II в. до н. э.) возмущался (как и стоики) Аристотелем за то, что тот считал и внешние блага необходимыми для счастья, а Иероним из

⁷ Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути. С. 20. Разумеется, я не считаю выделенные мною форматы этой практики неизменными и отпечатанными в скале. Например, я сейчас я бы добавил, что в отличие от «континентальной философии» АФ характеризуется «проблемоцентризмом» – тем, что она нацелена на результаты, не на философствование как процесс, что, однако, никак не противоречит выделенным мною ее свойствам.

⁸ Там же. С. 26–27. Нескрываемое презрение Целищева к восточным философиям, уходящее в конечном счете тоже в советское мышление, требовавшее для развития «настоящей философии» (как «надстройки») соответствующих общественно-экономических «базисов», позволяет ему игнорировать, что между Ригведой и адвайта-ведантой, например, никак не меньшее расстояние, чем между «Русской правдой» Ярослава и Конституцией РФ.

Родоса (III в. до н. э.) и Стасей из Неаполя (I в. до н. э.) видели счастье соответственно в безмятежности и телесном удовольствии, и никто их за этот эпикуреизм не подвергал “школьной экскоммуникации”. Не подвергал потому, что и при своих специфических “доктринах” они оставались в соответствующих учительских традициях и работали над соответствующими школьными текстами⁹. Целищев считает, что я привел этот пассаж не только ради демонстрации своей эрудиции, но и... (поверит ли читатель?!) «все ради установления сходства “лейблов” “аналитическая философия” и “аналитическая теология”» (с. 143). На чем же основывается вменение мне такого нелегкого – с позиций сциентиста – греха? На его историко-философской невинности (ни один из перечисленных философов, кроме Аристотеля, никакого отношения к философской теологии не имел, и атеистов среди них было гораздо больше) и на том, что в другом месте я упоминаю действительно очень известного философского теолога Уильяма Крейга и Фому Аквинского, после чего тут же – «без пересадки» – мне в который раз вменяется самый тяжкий с точки зрения моего оппонента грех – введение в контекст обсуждения природы АФ свидетельств о понимании устройства философии на Востоке. «Аллергия» Целищева на теологию и особенно на допустимость Востока в «настоящую философию» – отдельные пункты. Здесь важнее другое. Вышеприведенный античный материал был нужен мне для совершенно иной цели – чтобы представить историко-философскую критику главной доктрины «отрицателя» АФ Аарона Престона о том, что АФ является философской иллюзией только потому, что не конституируется набором принятых всеми ее последователями доктрин (подобно тому, как доктринальные расхождения в греческих школах также не могли влиять на идентичность самих этих школ). Поэтому «деконструировать» мои намерения при данной справке о расхождении в античных школах по кардинальному вопросу античной философии так, как это делает мой почтенный оппонент, – это все равно как если бы я объявил, что еду в Петербург на научную конференцию, а какой-нибудь из моих очень нестандартных «доброжелателей» сказал бы, что я это говорю только для отвода глаз, а «на самом деле» собираюсь ехать туда, чтобы укубить за ухо своего старого университетского знакомого Z, который когда-то меня чем-то обидел.

А вот еще один яркий пример сложных отношений моего оппонента с рациональностью, который никак не менее интересен. Книга все того же Престона «Аналитическая философия: история одной иллюзии» (2007), несомненно, тенденциозная¹⁰, но умная и основанная на весьма солидной историографии, не на шутку встревожила моего оппонента как «приверженца АФ», однако его стрелы в нее цели не достигают: Целищев восторгается большими конкретными успехами академических англо-американских философов в близких ему областях, которые никто под сомнение не ставит, тогда как Престон ставит под сомнение успехи АФ совсем в другом – в теоретической авторефлексии. Поскольку же я, тоже будучи приверженцем АФ (но не слепым, а зрячим), эти «опасные» его идеи обнародовал, так как считаю, что они требуют ответа на его же, престоновской, территории, негодование

⁹ Шохин В.К. Что же все-таки такое аналитическая философия? С. 144.

¹⁰ Необъективность Престона в том, что на том же самом основании – отсутствии набора общепринятых доктрин – можно было бы, по его логике, считать иллюзией экзистенциализм, феноменологию, постструктурализм и едва ли не все другие «континентальные» направления (кроме разве что ортодоксального марксизма, у которого с «догматами веры» все в порядке) но он этого, однако, не делает.

моего оппонента вылилось за «утечку информации» на меня¹¹. При этом он, кажется, все-таки не до конца разобрался, являюсь ли я оппонентом Престона или, напротив, его сторонником, а потому приписывает и мне, не много думая, то, что относится к американскому философу (с. 144).

Так вот, мой основной ответ последнему состоит в том, что АФ конституируется не набором общепризнанных доктрин (которого у нее действительно нет) и даже не предметами изысканий, а определенной философской практикой, которая принципиально отличается от других философских практик (в таких значительных течениях, как феноменология или постструктурализм) набором ключевых признаков, восходящих в свою очередь (в отличие от перечисленных альтернативных способов философствования) – как точно меня цитирует Целищев – не к началу XX в., а к началам философской практики в мире¹². На это мой оппонент возражает: «Ясно, что это не совсем то, что имел в виду Престон. Полагаю, что был бы удивлен не только он, но и все, кто здраво рассуждает об аналитической философии» (с. 146). Отмечу, что его фразу нельзя прочитать иначе, как что и Престон, по его мнению, очень здраво рассуждает об АФ, и тогда о чем же «сыр-бор»? Но допустим, что почтенный оппонент мой писал свой памфлет в скоростном темпе, чтобы немедля поразить меня копьём и ему было не до чтения своего же текста. Возникают два вопроса. Во-первых, почему же это я должен был писать «то, что имел в виду Престон», когда я предлагаю полностью альтернативную престоновской идентификацию АФ – не как несостоявшейся системы, а как продуктивного метода, не как набора доктрин, а как философской деятельности? Во-вторых, а где, по Целищеву, сам критерий «здорового рассуждения» об АФ? В статье указывается масса имен аналитических философов, выражается восхищение их достижениями, но и намек на идентификацию самого этого феномена, как я уже отмечал, нет. В другом месте он съязвил, что поразительная, на мой взгляд, по емкости характеристика философии-как-деятельности в «Артхашастре» как последовательности номинации объектов исследования, их дефинирования и критической верификации дефинирования слишком простовата для того, чтобы иметь отношение к АФ, поскольку любой мыслящий человек «дефинирует» (с. 149). Любой, да не любой. Целищев, как уже стопроцентный «приверженец АФ» и автор семитомника по философии математики к определению (пусть даже описательному) АФ, как отмечалось, не способен. Но тут есть и новый важный момент: он оправдывает себя тем, что ему не нужны никакие определения для узнавания того, что перед ним работа по АФ и не случайно страшно раздражается самим фактом существования метафилософии, поскольку не подобает извне вмешиваться в «интимное», в том числе в самой философии и в АФ в частности, вполне серьезно ссылаясь на «гениальную мысль» Герберта Уэллса о том, что заниматься интимными человеческими отношениями интересно, но говорить «об этом» и обсуждать «это» предосудительно (с. 145). Неужто философские программы (одной из которых и, с моей точки зрения, самой древней является АФ) так похожи на «это», что их обсуждать предосудительно или у моего сверхсенситивного оппонента даже АФ вызывает эротическое чувство?..

¹¹ Отмечу, что обнародование мною концепции Престона (вне контекста моей критики ее) было действительно использовано и некоторыми убежденными противниками АФ. См., напр.: *Джохадзе И.* Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // *Логос.* 2016. № 5. С. 10.

¹² *Шохин В.К.* Что же все-таки такое аналитическая философия? С. 147.

Проблемы с пониманием

Основная из проблем этого рода связана с тем, что мой оппонент все-таки не совсем представляет себе, о чем идет речь у Аарона Престона и за что я его критикую. Иначе он не возмущался бы тем, что ни Престон не упоминает великого множества «поразительных» по профессионализму аналитических *конкретных исследований* (написанных, как он выражается, «вундеркиндами» из области логики, философии языка, философии науки и прочих дисциплин, ни я (с. 139, 141–142, 144–145)), и вместе с тем мы оба отмечаем дефицит в АФ *авторerefлексии*. Но ведь это же совсем разные области. Приведу еще одну аналогию, доступную пониманию каждого: это все равно как если бы кто-то сказал, что у нас в России в золотой век нашей словесности были немалые проблемы с литературной критикой (что отмечал еще А.С. Пушкин), а другой стал бы возмущаться этим на том основании, что у нас были тогда великие поэты и прозаики (начиная с того же А.С. Пушкина). А то, что В.В. Целищев считает метафилософию вообще-то чем-то совершенно ненужным, «разговорами вокруг» (с. 145) и даже смертью философии (ее «вскрытием» – с. 147), свидетельствует о том, что он не до конца представляет себе природу самого философского дискурса. Как было видно выше, для него эти «разговоры вокруг» философии неуместны, как разговоры об отношениях мужчины и женщины, и он прав в той мере, в какой сама философия – «женщина», что и определяется ее этимологическим происхождением от Софии. Но в женщинах ведь тоже надо немножко разбираться. Дело в том, что если философия и женщина, то такая «кокетка», что не расстается с «зеркалом» от рождения на протяжении всей своей истории. А именно философов неизмеримо больше волнует вопрос о том, что такое философия, чем химика – что такое химия, физика – что такое физика и даже историка – что такое история.

Откуда я это взял? Могу порекомендовать и В.В. Целищеву и любому другому заинтересованному лицу самый серьезный из существующих на сегодняшний день в мире философских лексиконов – многотомный «Исторический словарь по философии», основанный Иоахимом Риттером в 1971 г. Там есть и такая статья, как «Философия» (1989), занимающая 330 страниц малого кегля, которая соответствовала бы очень увесистой коллективной монографии обычного кегля и которая на 90 % посвящена тому, как разные философы начиная с досократиков до времени издания статьи осмыслили не конкретные философские проблемы, а то, что есть философия как таковая (притом в разных своих произведениях нередко по-разному), т. е. занимались теми самыми «разговорами вокруг» и «метафилософией», которая есть, по мнению Целищева, смерть философии¹³. Поэтому его презрение и к моей периодизации истории АФ исходя из истории ее авторефлексии свидетельствует о том, что специфика философии как особого теоретического дискурса (отличного от эмпирических наук и от математики) явно ускользает от него. Но мне трудно будет объяснить ему и то, что «даже» на Востоке (в Индии и Китае) существовала аналитическая философская практика (в первом из названных регионов интенсивнейшая и даже регулировавшаяся жанрами традиционной литературы) задолго до Рассела и Витгенштейна¹⁴

¹³ См.: Kranz M., Hadot P., Görler W. et al. Philosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. VII. Basel, 1989. S. 572–903.

¹⁴ Целищеву, кажется, мнится, будто я выдумываю, что витгенштейновское понимание философии как деятельности (а не как набора доктрин) было выписано и в индийской философии. Но все немногочисленные определения философии в индийской культуре о том

и что «даже» «Суммы» Александра Гэльского (1185–1245), Альберта Великого (ок. 1200–1280) и Фомы Аквинского (1225–1274) материализовали ее функциональную структуру в химически чистом виде. Его непониманию содействует и сциентистское понимание природы философии, которая, вопреки сциентизму, не есть наука, развивающаяся линейно-прогрессивно и не возвращающаяся постоянно к своим раз и навсегда прошедшим стадиям, как то и делает как раз очень «консервативная» АФ (в доступных мне ее «гуманитарных отсеках»), неизменно работающая в актуальном диалоге с классикой начиная с античности.

Это не означает, что моя периодизация идеальна¹⁵ или что мои идентификационные характеристики АФ не нуждаются в расширении, но ее несущие конструкции – трактовка АФ не как набора доктрин или мировоззренческих предпочтений, а как определенной философской практики¹⁶, и внимание к ее авторефлексии – вряд ли могут быть кем-либо или чем-либо поколеблены, и мне, скорее всего, будет целесообразнее, исходя из только что сказанного, обсуждать это с другими партнерами по диалогу, прежде всего с историками философии¹⁷. Особенно с учетом того, что выделенный мне объем для ответа в настоящем периодическом издании весьма ограничен¹⁸.

Список литературы

Джохадзе И. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // Логос. 2016. № 5. С. 1–15.

Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155.

Шохин В.К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопр. философии. 2013. № 11. С. 137–148.

Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.

свидетельствуют – будь то анонимная «Артхашастра» (ок. I в. н. э.), «Ньяя-бхашья» Ватсьяяны (IV–V вв.), «Кавьямиманса» Раджашекхари (X в.) или сочинения последователей Ватсьяяны.

¹⁵ Если бы Целищев мог действительно понять, на чем основан мой периодизационный принцип, он «поймал» бы меня не на том, что я не «сорю», вроде него, именами аналитических «вундеркиндов», у которых «разительные достижения» (пользуюсь его лексикой), а упомянул бы, к примеру, что у меня был опущен один из ранних инаугураторов «АФ» как понятия Э. Нагель (*Nagel E. Impressions and Appraisal of Analytic Philosophy in Europe // Journal of Philosophy. 1936. Vol. 33. P. 5–24*). Нагель включал в рубрику аналитических философов четыре подгруппы: последователи Мура, Райхенбаха, Витгенштейна и польских логиков и «номиналистов».

¹⁶ Не только АФ является философской практикой, а не набором доктрин (см. выше). Особенностью этой практики я бы признал прежде всего «проблемоцентризм»: речь идет о поисках ответов на конкретные вопросы через рациональные (общезначимые) обоснования аргументации, тогда как феноменологическая практика сводится преимущественно к самому вопрошанию, а постмодернистская – к словопроизводству, которое должно быть принято «посвященными» и напоминает магию слов.

¹⁷ После публикации моих статей появилось фундаментальное исследование, которое я просто физически не мог тогда учесть, с очень четко прописанными датами начала (в 1930-е) и распространения (с 1950-х) самого термина «АФ»: *Frost-Arnold G. The Rise of “Analytic Philosophy”: When and How People Begin Calling Themselves “Analytic Philosophers” // Innovations in the History of Analytic Philosophy. L., 2017. P. 32–40*.

¹⁸ Самоочевидно, что это обстоятельство, вкупе с уровнем полемики, исключает обсуждение значительно более тонких вопросов, таких как онтологический статус персонажей художественных произведений, за признание которого мой натуралистически мыслящий оппонент называет меня «сказочником» (с. 151).

Frost-Arnold G. The Rise of “Analytic Philosophy”: When and How People Begin Calling Themselves “Analytic Philosophers” // *Innovations in the History of Analytic Philosophy* / Ed. by S. Lapoint and C. Pincock. L.: Palgrave MacMillan, 2017. P. 27–67.

Kranz M., Hadot P., Görler W. et al. Philosophie // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. VII / Hrsg. von K. Gründer. Basel: Schwabe Verlag, 1989. S. 572–903.

Nagel E. Impressions and Appraisal of Analytic Philosophy in Europe // *Journal of Philosophy*. 1936. Vol. 33. P. 5–24.

A new phenomenon: emotions run high for analytic philosophy

Vladimir K. Shokhin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: valdshokhin@yandex.ru

In the present paper, the author replies to the critique of his concept of the essential characteristics of analytic philosophy and the periods in its history, advanced by Vitalii Tselishchev in an earlier issue of this journal (2018, Vol. 11, No. 2). Such critique can be shown to be untenable from the standpoint of both the ethics of debate and the standards of rational inquiry. Not only does Tselishchev fail to understand the essence of this author’s arguments against Aaron Preston’s attempt to dethrone analytic philosophy, and even less so for the main idea of the concept elaborated in response, but, most importantly, he risks appearing ignorant of the tasks of a historian of philosophy and of the very nature of philosophy itself. The author insists on the validity of all major points he originally made, i.e. that analytic philosophy is not a body of doctrines or even topics, but a specific philosophical practice (and, for that matter, the one that surpasses all others in efficiency); that key attributes of such practice can be found long before the 20th century and by no means within the Western tradition alone; finally, that the rise of self-reflection, just as with any other grand style of philosophy, should be adopted as the foremost criterion for dividing its history into meaningful periods.

Keywords: analytic philosophy, the art of debate, logic, rationality, understanding, philosophical practice, self-reflection, history of philosophy, metaphilosophy, Preston, Tselishchev

References

Dzhokhadze, I. “Analiticheskaya filosofiya segodnya: krizis identichnosti” [Analytic philosophy today: identity crisis], *Logos*, 2016, No. 5, pp. 1–15. (In Russian)

Frost-Arnold, G. “The Rise of ‘Analytic Philosophy’: When and How People Begin Calling Themselves ‘Analytic Philosophers’”, *Innovations in the History of Analytic Philosophy*, ed. by S. Lapoint and C. Pincock. London: Palgrave MacMillan, 2017, pp. 27–67.

Kranz, M., Hadot, P., Görler, W. et al. “Philosophie”, *Historisches Wörterbuch der Philosophie*, Bd. VII, hrsg. von K. Gründer. Basel: Schwabe Verlag, 1989, S. 572–903.

Nagel, E. “Impressions and Appraisal of Analytic Philosophy in Europe”, *Journal of Philosophy*, 1936, Vol. 33, pp. 5–24.

Shokhin, V. K. “Chto zhe vse-taki takoe analiticheskaya filosofiya? V zashchitu i ukreplenie ‘revizionizma’” [What is analytical philosophy? In the protection and promotion of ‘revisionism’], *Voprosy filosofii*, 2013, No. 11, pp. 137–148. (In Russian)

Shokhin, V. K. “Analiticheskaya filosofiya: nekotorye neprotorenyye puti” [Analytic philosophy: some unbeaten tracks], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2015, Vol. 8, No. 2, pp. 16–27. (In Russian)

Tselishchev, V. V. “Analiticheskaya filosofiya i revizionizm bez beregov” [Analytic philosophy and revisionism beyond the bounds], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 2, pp. 138–155. (In Russian)